

ПРИЕЗЖЕЕ/МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО И ЧАСТОТНОСТЬ МИГРАЦИИ: ФОРМА КОММУНИКАЦИИ

**(по материалам социологических исследований
в Республике Саха – Якутия)**

The Non-local/Local Community and the Frequency of Migration: a Form of Communication (the case study of sociological researches in the Sakha (Yakutia) Republic)

Д. М. Винокурова (D. Vinokurova)¹

¹ кандидат социологических наук, доцент, заведующий межкафедральной социологической лабораторией Финансово-экономического института СВФУ (Ph. D. of Sociology, Associate Professor, Head of the Interdepartmental Sociological Laboratory at the Finances and Economics Institute of North-Eastern Federal University). E-mail: dorofdm1@yandex.ru.

В статье рассматривается миграция в трех городах Якутии: в промышленном центре — г. Мирном и региональном центре — г. Якутске, где отмечается более интенсивная трудовая и образовательная миграция, нежели в г. Ленске, где в последние два десятилетия происходит сокращение прибывающих мигрантов. На интенсивность миграционных процессов в г. Мирном влияет организация труда горнодобывающей отрасли — вахтовый метод и сложная экологическая ситуация. В г. Якутске наблюдается рост миграции, начиная с конца 1980-х гг., за счет возвращения представителей местного населения, которое достигло пика в 1990-х гг.

Ключевые слова: индустриализация, коммуникативная система, отбор, «местный род» — местное сообщество, происхождение/союз.

The article discusses the difference between such notions as non-local / local community (migrant/non-migrant) in terms of N. Luhmann's communicative systems theory and 'geophilosophy' developed by Gilles Deleuze and Félix Guattari. The analysis has been performed with the assistance of the empirical data collected in three cities of Yakutia. It has shown that labor and educational migration rate is higher in Mirny and in Yakutsk, rather than in Lensk. Respondents have been conventionally divided into several groups according to the number of times they changed their place of residence. Thus, there are four groups found: 1) the «traditionally changing their place of residence» migrants (1 move), 2) «active» migrants (2 to 3 times), 3) «intermediate» migrants (4 to 5 times) and 4) «hyperactive» migrants (6 or more times). Besides, they have been asked to express their attitude towards «settling (in a new place)» when completing the questionnaire column titled «native/non-native.»

Keywords: industrialization, communication system, selection, «local clan» — local community, origin/union.

При анализе понятия «мигрант», противопоставляя его понятию «местный род», воспользуемся определениями представителей геофилософии — Ж. Делеза и Ф. Гваттари: «...племенные группы могут менять территорию, но действительную определенность они получают, лишь сочетаясь с некоторой территорией или местом жительства и образуя “местный род”» [Делез, Гваттари 1998: 40]. На наш взгляд, в данном случае термин “местный род” авторы используют в качестве эквивалента

“племенным группам”. Местное сообщество формируется при длительном взаимодействии с конкретной территорией, местом постоянного жительства.

По-видимому, термин «местный род» не связывается только с понятием «уроженец», или, вернее, он не первоначален, как видно из приводимых ниже цитат. Какие коммуникативные связи при его формировании являются определяющими? Те же авторы замечают: «Происхождение является административным и иерархическим, а

союз — политическим и экономическим, он выражает власть, которая смешивается с иерархией и не выводится из нее, и экономику, которая не смешивается с управлением <...> Им соответствуют две памяти — одна био-родовая и другая — память союзов и слов» [Делез, Гваттари 2007: 231]. При этом они считают определяющим союз: «И если происхождение выражает то, что является господствующим, оставаясь детерминированным, — союз выражает то, что является детерминантом, или, скорее, выражает возвращение детерминанта в детерминированную систему господства» [Делез, Гваттари 2007: 232].

Исходя из теоретических положений Н. Лумана, миграцию можно рассматривать как коммуникативный акт, который связан с отбором, предполагающим ограничения. «Основное различие упорядочивает эти ограничения, например, с точки зрения полезного/бесполезного, не устанавливая сам выбор» [Луман 2007: 63]. Согласно Н. Луману, отбор осуществляется при помощи структур-ожиданий, которые делают возможным их обратимость во времени, т. е. обеспечивают связи с предыдущими и последующими событиями. Благодаря структуре элементов связи устанавливаются в

каждом случае посредством выбора из множества возможностей.

Такая схема объяснения коммуникации углубляет понимание миграционного поведения, для анализа которого использованы данные проведенных автором исследований в рамках Приоритетных направлений 9.6. и X.100 на темы: «Территориальная мобильность при индустриализации как контекст мигрантской коммуникативной среды» и «Этнические мигрантские и старожильческие сообщества: процессы инклюзии и социальные сети»; Программ 9.6.1. и X.100.4 Сибирского отделения РАН, Блока III — «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этно-социальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2010–2016 гг.). В работе использованы качественные и количественные методы: социологический опрос по квотной выборке ($\Delta \pm 5\%$) проведен в декабре 2010 г. в г. Мирном ($n=290$), в мае 2011 в г. Якутске ($n=400$), в феврале 2012 в г. Ленске ($n=200$). Сбор данных проводился с помощью инструментария, разработанного И. М. Кузнецовым и В. И. Мукомелем, часть вопросов была разработана автором [Кузнецов, Мукомель 2005: 41–47].

**Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Являетесь ли Вы уроженцем того места, где сейчас живете» (в %)**

Уроженец данного города	г. Мирный			г. Якутск			г. Ленск		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Да	32,7	40,7	37,6	54,9	64,4	60,0	52,1	50,0	51,0
Нет	61,1	53,1	56,2	41,3	32,4	36,5	40,6	47,2	44,0
Нет ответа	6,2	6,2	6,2	3,8	3,2	3,5	7,3	2,8	5,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Как видно из данных табл. 1, больше половины попавших в выборку респондентов в г. Мирном (56,2 %) не являются его уроженцами, тогда как в г. Якутске ситуация противоположная, а в г. Ленске почти каждый второй — уроженец. Если дифференцировать респондентов по признаку пола, то в двух городах женщин (уроженок) больше, чем мужчин на: в Мирном — 8 %; в Якутске — 9,5 %, в

Ленске — почти равная доля. На территориальную мобильность респондентов г. Мирного влияют, к примеру, сфера занятости в промышленном производстве и учебные заведения, куда поступают выпускники общеобразовательных школ из сопредельных районов.

Далее рассмотрим, в какой период времени прибыли опрошенные горожане (см. табл. 2).

Таблица 2. Время прибытия в города опрошенных мигрантов, распределенных по полу (в %)

Год	г. Якутск		г. Мирный		г. Ленск	
	Пол					
	мужской	женский	мужской	женский	мужской	женский
Более ранний и 1950-е гг.	1,1	3,7	0,9	1,7	1,1	3,8
1960-е гг.	6,6	10,2	10,6	8,5	9,5	4,7
1970-е гг.	9,3	14,4	10,6	17,5	12,6	16,1
1980-е гг.	20,3	18,5	18,6	21,5	25,3	28,3
1990-е гг.	18,7	19,9	25,7	16,9	18,9	17,0
2000–10 гг.	29,2	21,7	26,5	19,8	22,1	6,5
Нет ответа	14,8	11,6	7,1	14,1	10,5	23,6
Итого	100	100	100	100	100	100

Если дифференцировать прибытие в г. Якутск попавших в выборку респондентов, то выявляется, что прибыло 46,8 % женщин и 37,3 % мужчин за 30 и более лет назад; за последние 20 лет — 41,6 % женщин, 47,9 % мужчин. Подобное соотношение по признаку пола возможно объяснить, во-первых, большей долей прибывших в 1960-е и 1970-е гг., когда женщины, овладевая востребованными профессиями учителей, врачей и выходя замуж, оставались в городе. Во-вторых, постперестроечный период характеризовался массовым участием представителей местного сообщества в процессе урбанизации [Сукнева, Трубина 2009: 139–144] В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов статус г. Якутска как регионального центра. По-видимому, незначительное преобладание мужчин (всего на 6,3 %) свидетельствует об увеличении активности женщин в миграционных процессах, особенно если учитывать прибытие выпускниц, продолжающих свое образование в высших школах Якутска. Хотя в более ранний период исследователями было установлено освоение территории мужчинами [Рыбаковский 2001].

В г. Мирном ситуация несколько иная: мужчины прибывали для работы в промышленном производстве, где более востребован мужской труд. Так, соотношение прибывших мужчин в советский (40,7 %) и постсоветский (52,2 %) периоды различается на 11,5 %. Это, очевидно, свидетельствует о более высокой потребности в труде мужчин, нежели женщин, прибытие которых до 1990-х (31,7 %) и до 2010 гг. (36,7 %) различается всего на 5,0 %. К тому же нельзя сбрасывать со счетов и образовательную миграцию — прибывающих для продолжения образования в высшей шко-

ле из близко расположенных населенных пунктов.

В г. Ленске ситуация обратная. Сокращение прибывающих в последние 20 лет таково: в советский период мужчин на 7,5 % и женщин на 29,4 % прибыло больше, чем в постсоветский. К тому же следует обратить внимание на долю игнорировавших данный вопрос женщин (23,6 %). Причем, в выборку по трем городам заметно больше (около или более 20 %) попало тех, кто прибыл в 1980-х гг., а в г. Ленске еще больше мужчин (25,3 %) и женщин (28,3 %).

Рассмотрение этнического состава (см. табл. 3) выявило, что среди прибывших в г. Якутск якутов почти каждый третий (33,9 %) и представителей иной национальности — 31,5 % опрошенных прибыли в период 2000–2010 гг., тогда как прибытие русских, как отметили респонденты, сократилось после 1980-х гг. Почти такая же ситуация наблюдается и в г. Мирном, хотя, как отметили представители иных национальностей, их прибытие сохранилось почти в одинаковой доле с 1980-х по 2010 гг. Почти то же самое можно отметить и в отношении якутов, пик прибытия которых в г. Ленске наблюдался в 1980-е гг., тогда как прибытие русских и представителей иных национальностей начало заметно сокращаться в постсоветский период. Впрочем, миграционная ситуация в РФ в целом изменилась [Трансформация миграционных 2008; Воробьева 2011; Зайончковская, Тюрюканова, Флоринская 2011; Денисенко, Мкртчян, Тюрюканова].

Следует отметить, что доля коренных малочисленных народов Севера (КМНС) среди прибывающих незначительна. Тем не менее, попавшие в выборку респонденты сообщили, что они начали прибывать в гг. Якутск и Мирный, начиная с 1980-х гг.

Таблица 5. Сопряженность миграционных намерений опрошенных жителей г. Мирного и частотность смены их постоянного места жительства (в %)

Частотность переезда	г. Мирный					
	Миграционные намерения:					
	уюду обязательно	уюду, если появится возможность	скорее нет, чем да	останусь здесь жить	не знаю, об этом не думал	всего
Один раз	36,2	39,8	50,0	50,0	30,2	37,9
От 2 до 3	35,2	28,7	33,3	27,3	32,6	30,7
От 4 до 5	5,5	13,0	-	4,5	11,6	8,6
6 и более раз	5,5	4,6	5,6	-	4,7	4,5
Нет ответа	17,6	13,9	11,1	18,2	20,9	18,3
Итого	100	100	100	100	100	100

В общем массиве уровень активности в миграционных процессах респондентов по трем городам почти не различается, кроме г. Ленска, где больше тех, кто, однажды сменив постоянное место жительства (42,1 %), там «осел» (см. табл. 5, 6 и 7). Можно сгруппировать респондентов в зависимости от количества перемен постоянного места жительства на «традиционно меняющих постоянное место жительства» (1 переезд), «активных» (от 2 до 3 раз), «среднеактивных» (от 4 до 5 раз), «сверхактивных» (6 и более раз) мигрантов. Если дифференцировать респондентов по сте-

пени миграционной активности и совместить этот показатель с их миграционными намерениями, то мирнинцев, желающих еще раз сменить свое постоянное место жительства, больше, нежели респондентов из г. Якутска (см. табл. 6). Однако среди первых выше, нежели среди вторых, доля тех, кто «не знает, об этом не думал», вне зависимости от степени миграционной активности. Не значит ли это, что в момент опроса респондент еще не рассматривал перспективу переезда, т. е. у него отсутствовали миграционные намерения?

Таблица 6. Сопряженность миграционных намерений опрошенных жителей г. Якутска и частотность смены их постоянного места жительства (в %)

Частотность переезда	г. Якутск					
	Миграционные намерения:					
	уюду обязательно	уюду, если появится возможность	скорее нет, чем да	останусь здесь жить	не знаю, об этом не думал	всего
Один раз	25,4	34,0	40,3	35,0	48,2	36,1
От 2 до 3	32,2	33,0	29,9	31,0	25,9	30,0
От 4 до 5	8,5	11,0	11,7	8,0	7,4	9,3
6 и более раз	5,1	4,0	3,9	5,0	3,7	4,1
Нет ответа	28,8	18,0	14,2	21,0	14,8	20,5
Итого	100	100	100	100	100	100

Различая респондентов г. Якутска по степени активности, стоит обратить внимание на «среднеактивных» (4–5 переездов), у которых еще сохраняются миграционные намерения. Во всяком случае, распределение их ответа от «уюду обязательно» до «останусь здесь жить», выявляет соотношение в сумме двух полюсов «уюду/останусь» (19,5 %) и (19,7 %) равнозначное. То же характерно и для «сверхактивных».

Несколько иная ситуация в г. Ленске, где каждый второй «традиционный» участник миграции «осел» (см. табл. 7) и не намерен сменить постоянное место жительства. Однако среди более «активных» сохранились миграционные намерения почти в такой же доле, как и в двух других городах, но меньше желающих остаться на постоянном проживании.

Следовательно, группы «среднеактивных» и «сверхактивных» еще не утратили свой миграционный потенциал, в от-

личие от респондентов, проживающих в гг. Мирном и Якутске, что было отмечено выше.

Таблица 7. Сопряженность миграционных намерений опрошенных жителей г. Ленска и частотность смены их постоянного места жительства (в %)

Частотность переезда	г. Ленск					
	Миграционные намерения:					
	уюду обяза- тельно	уюду, если появится возможность	скорее нет, чем да	останусь здесь жить	не знаю, об этом не думал	Всего
Один раз	38,3	37,8	53,1	51,5	40,0	42,1
От 2 до 3	36,2	37,8	18,8	36,4	34,3	32,2
От 4 до 5	10,6	6,7	9,4	-	5,7	6,9
6 и более раз	4,3	4,4	3,1	-	-	2,5
Нет ответа	10,6	13,3	15,6	12,1	20,0	16,3
Итого	100	100	100	100	100	100

Сравнение отношения к высказыванию «Я бы хотел, чтобы мои дети или внуки стали коренными жителями республики» респондентами, разделенными по признаку уроженец/неуроженец данного города, показывает, что среди уроженцев больше подобных намерений у жителей в гг. Якутске и Ленске, у каждого третьего в г. Мирном (см. табл. 4). Среди не уроженцев меньше всего таких намерений у респондентов г. Мирного. Оценка высказывания «В образе жизни местного населения есть особенности, с которыми мне трудно примириться» (табл. 4) выявляет более выраженную толерантность к местному сообществу жителей гг. Мирного и Ленска, чем г. Якутска. Впрочем, толерантность проявляют и в других городах РФ [Григорьева, Кузнецов, Мукомель, Рочева 2009].

Очевидно, это объясняется различием в этнической структуре рассматриваемых городов. Мирный и Ленск — это города компактного проживания приезжего населения, тогда как в Якутске в постсоветский период наблюдалось массовое прибытие якутов, представителей старожильческого населения и малочисленных народов Севера, а в последнее десятилетие — мигрантов из СНГ. Таким образом, здесь более интегрированно проживает местное сообщество, где в отличие от указанных двух городов имеют большее значение личные, кровнородственные, территориальные (улусные) связи, нежели «безличные», дистанцированные, неподконтрольные отношения мигрантов. Все это повышает требования и претензии друг к другу, исходя из традици-

онных обязательств перед близкими, знакомыми и т. п.

Каждый третий респондент, не уроженец г. Мирного, согласился с утверждением «Местное население никогда не будет считать меня своим». По-видимому, такое мнение складывается прежде всего у тех, кто прожил здесь пока еще относительно непродолжительное время. Проблематика особенностей взаимоотношения мигрантов и местного сообщества, практики использования городских социальных сред изучается многими исследователями, на работы которых мы опираемся [Попков 2003; Григорьева, Кузнецов, Мукомель 2009; Кузнецов 2010; Мукомель 2014].

Из приведенных данных в табл. 4 видно, что почти каждый второй респондент — уроженец г. Мирного (49,5 %), чуть меньше не уроженцев (45,4 %) согласились с утверждением «Здесь можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно». Очевидно, это связано, с одной стороны, с характером организации труда в алмазодобывающей промышленности — вахтовым методом. Можно отметить, что подобный вид занятости, очевидно, способствует разъединению мест приложения труда и мест проживания. С другой стороны, подобная оценка объясняется неблагоприятными экологическими условиями города.

Оценка респондентами высказывания «Спокойно и достойно можно жить только среди своих» свидетельствует о том, что большинство опрошенных с ним не согласились. По-видимому, они не ощущают

большого социально-культурного отрыва от своего актуального окружения, поскольку компактное проживание мигрантов в гг. Мирном и Ленске создало там автономное социально-культурное пространство, в котором они достаточно быстро адаптируются.

По-видимому, в городской среде, куда периодически прибывают все новые и новые мигранты, более рельефно дифференцируется публичная и приватная жизнь, о чем свидетельствует оценка опрошенными утверждения «В семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь».

Таким образом, сравнение данных по трем городам Республики Саха позволяет сделать следующие выводы:

– Среди попавших в выборку респондентов почти каждый второй оказался не уроженцем г. Мирного; чуть меньше респондентов (44,0 %) в г. Ленске; почти каждый третий (36,5 %) — в г. Якутске. При этом заметно массовое участие якутов в процессах урбанизации. По времени прибытия в города доля опрошенных

распределена почти равномерно, начиная с 1970-х гг. и возрастая к 2000–2010 гг. В г. Мирном на вид отбора мигрантов влияет, с одной стороны, характер организации горнодобывающей отрасли — вахтовый метод, который формирует общественное мнение о том, что «нормально жить здесь постоянно невозможно». С другой стороны, подобная оценка определена экологической ситуацией.

– Для удобства анализа респонденты были сгруппированы в зависимости от количества перемен постоянного места жительства на «традиционно меняющих постоянное место жительства» (1 переезд), «активных» (от 2 до 3 раз), «средне активных» (от 4 до 5 раз), «сверхактивных» (6 и более раз). В промышленном г. Мирном и г. Якутске — центре региона наблюдается трудовая и образовательная миграция. Среди прибывших респондентов г. Якутска незначительное преобладание мужчин (всего на 6,3 %) свидетельствует об увеличении активности женщин в миграционных процессах, особенно если учитывать прибытие выпускниц, продолжающих образование в высшей школе.

Литература

- Воробьева О. Д. Рынок труда и миграция. М.: МАКС Пресс, 2011. 76 с. (Сер. спец. докл.).
- Григорьева К. С., Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Социальная среда российских городов в восприятии местного населения (на примере Астрахани и Самары). М.: Ин-т социол. РАН, 2009. 71 с.
- Григорьева К., Кузнецов И., Мукомель В., Рочева А. Социальная среда российских городов в восприятии «гастербайтеров» и местного населения. М.: Ин-т социол. РАН, 2009. 83 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 670 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: Ин-т эксперимент. социол. СПб.: Алетей, 1998. 98 с. (Сер. “Gallicinium”) Янко Слава (Б-ка Fott/Da) II [Электронный ресурс] // URL: <http://yanko.lib.ru> (дата обращения: 4.12.2014 г.).
- Денисенко М. Б., Мкртчян Н. В., Тюрюканова Е. В. Направления и пространствен-ные особенности внутренней миграции // Миграция в развитии России [Электронный ресурс] // URL: <http://strategy2020.gian.ru/load/366066296> (дата обращения: 08.02.2014).
- Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше М.: МАКС Пресс, 2011. 100 с. (Сер. спец. докл.).
- Кузнецов И. М. Средовые факторы формирования социально-культурной дистанции в мегаполисе Официальный сайт ИС РАН. 2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1966> (дата обращения: 05.10.2013).
- Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Ин-т социол., 2005. 50 с.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина / Н. Луман. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
- Мукомель В. И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. № 1. С. 137–166.

- Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. С. 231–247 (337).
- Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (Вопросы теории) Стадии миграционного процесса // Миграция населения. Вып. 5. М., 2001. [Электронный ресурс] // URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2f.html> (дата обращения: 08.02.2015).
- Сукнева С. А., Трубина А. В. Внутрорегиональные сельско-городская миграция в Республике Саха (Якутия) // Социальные проблемы 32(125). 2009. С. 139–144.
- Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М., 2008. 488 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://rybakovsky.ru/migracia3.html> (дата обращения: 11.10.2014).
- References**
- [Transformation of Migration Processes Across Post-Soviet Territories]. L. L. Rybakovsky (ed.). Moscow, 2008. 488 p. Available at: <http://rybakovsky.ru/migracia3.html> (accessed: October 11, 2014). (In Russ.)
- Deleuze G., Guattari F. Capitalism and Schizophrenia: Anti-Oedipus. D. Kralechkin (transl., afterword); V. Kuznetsov (ed.). Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2007, 670 p. (In Russ.)
- Deleuze G., Guattari F. What Is Philosophy? S. N. Zenkin (transl., afterword). Moscow: Institut Eksperimentalnoi Sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya, 1998. 98 p. Available at: <http://yanko.lib.ru> (accessed: December 4, 2014). (In Russ.)
- Denisenko M. B., Mkrtchyan N. V., Tyuryukanova E. V. Internal migration: directions and spatial peculiarities. In: [Migration in Russia's Development]. Available at: <http://strategy2020.ran.ru/load/366066296> (accessed: February 8, 2014). (In Russ.)
- Grigorieva K. S., Kuznetsov I. M., Mukomel V. I. [Social Environment of Russian Cities in the Eyes of Local Populations: a Case Study of Astrakhan and Samara]. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2009. 71 p. (In Russ.)
- Grigorieva K., Kuznetsov I., Mukomel V., Rocheva A. [Social Environment of Russian Cities in the Eyes of Natives and Migrant Workers]. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2009. 83 p (In Russ.)
- Kuznetsov I. M. [Sociocultural Distances in Metropolises: Environment Factors]. Institute of Sociology (RAS), 2010. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1966> (accessed: October 5, 2013). (In Russ.)
- Kuznetsov I. M., Mukomel V. I. [Migrant and Ethnic Minority Groups: Adaptive Capabilities and Network Ties]. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2005. 50 p. (In Russ.)
- Luhmann N. Social Systems. Theory of Society. I. D. Gaziev (transl.); N. A. Golovin (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007. 641 p. (In Russ.)
- Mukomel V. I. Xenophobia in the context of culture of trust. *Universe of Russia*. 2014. No. 1. Pp. 137–166. (In Russ.)
- Popkov V. D. [Phenomenon of Ethnic Diasporas]. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2003. Pp. 231–247. (In Russ.)
- Rybakovsky L. L. Population movement (issues of theory). Stages of migration process. In: [Population Movement]. Vol. 5. Moscow, 2001. Available at: <http://rybakovsky.ru/migracia2f.html> (accessed: February 8, 2015). (In Russ.)
- Sukneva S. A., Trubina A. V. Intra-regional rural-urban migration in the Sakha Republic (Yakutia). *Sotsial'nye problem*. 2009. No. 32 (125). Pp. 139–144. (In Russ.)
- Vorobieva O. D. [Labor Market and Migration]. Moscow: MAKSPress, 2011. 76 p. (In Russ.)
- Zayonchkovskaya Zh. A., Tyuryukanova E. V., Florinskaya Yu. F. [Labor Migration in Russia: Where to Next]. Moscow: MAKSPress, 2011. 100 p. (In Russ.)